

АНГЛИЙСКАЯ
ГОТИЧЕСКАЯ
ПРОЗА

Лорд Дансени
Бедный старина Билл
Серия «Рассказы об удивительном»

OCR Бычков М.Н

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160889

Английская готическая проза: В 2 т. Т. 2. : Terra; Москва; 1999

Оригинал: LordDunsany, "Poor Old Bill"

Перевод:

Светлана Борисовна Лихачева

Аннотация

Его рассказы о сверхъестественном отвергают как аллегорические толкования, так и научные объяснения. Их нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г.Дж. Уэллсу. Еще меньше они нуждаются в многозначительных толкованиях болтунов-психоаналитиков. Они просто волшебны.

Лорд Дансени

Бедный старина Билл

И ад приморской таверной, исконным приютом моряков, угасал свет дня. Не в первый раз являлся я сюда, ибо дошел до меня слух, будто древняя флотилия испанских галеонов и по сей день носится по волнам в неисследованных пределах Южных морей, и весьма хотелось мне узнать о том больше, а матросы, распивающие заморские вина, порою весьма разговорчивы. Но на этот раз надежды мои не оправдались. Завсегдатаи таверны говорили мало и по большей части шепотом, и я уже собрался было уходить, как вдруг какой-то матрос, в ушах которого покачивались серьги чистого золота, оторвался от стакана и, глядя прямо перед собою, на стену, во всеуслышание поведал следующую историю:

(Когда позже разразилась гроза и тяжелые капли забарабанили в свинцованные оконные стекла, он без труда высил голос и продолжал говорить. Чем темнее становилось вокруг, тем ярче вспыхивал его исступленный взгляд).

«Парусник былых времен приближался к мифическим островам. Подобных островов мы отродясь не видывали.

Все мы ненавидели капитана, и он платил нам той же монетой. Он ненавидел всех нас в равной степени; фаворитов у него не водилось. Ни с одним из нас он никогда не заговаривал; только вечерами, когда сгущались сумерки, он, бывало,

поднимал взгляд и останавливался – потолковать малость с повешенными на нок рее.

На корабле назревал бунт. Но пистолеты были только у капитана. Один пистолет он клал под подушку, а второй всегда держал при себе.

Острова выглядели прегадко. Маленькие, плоские, словно только что поднялись из морской пучины: ни тебе песка, ни скал, как это водится на приличных островах, только зеленая трава подступает к самой кромке воды. И еще – хижин, которые нам сразу не понравились.

Соломенные кровли едва приподнимались над землей и по углам странно загибались вверх, а под низкими застрехами темнели сомнительного вида оконца: сквозь толстые освинцованные стекла невозможно было рассмотреть, что происходит внутри. А вокруг – ни души; глаз не различал ни человека, ни зверя, так что оставалось только гадать, что за народ там живет. Но капитан-то знал! Он спустился на берег, вошел в одну из хижин, и кто-то зажег внутри свет, и маленькие окна зловеще скалились на нас.

Вернулся капитан, когда уже стемнело, и приветливо пожелал доброй ночи тем, кто раскачивался на нок рее, и окинул нас таким взглядом, что у бедного старины Билла душа ушла в пятки.

Следующей ночью обнаружилось, что капитан научился налагать проклятие. Мы мирно спали на своих койках, а капитан переходил от одного спящего к другому, в том числе и

к бедному старине Биллу, и наставлял на нас палец, и изрекал проклятие: пусть, дескать, души наши мерзнут всю ночь напролет на верхушках мачт. И в следующее мгновение душа бедного старины Билла, словно мартышка, взгромоздилась на самый верх мачты и просидела там до утра, глядя на звезды и коченея от холода.

После этого команда слегка взбунтовалась, но вот капитан выступает вперед и снова наставляет на нас палец, и на этот раз бедный старина Билл и все остальные оказались за бортом, в холодной, зеленой воде, хотя тела их остались на палубе.

По счастью, наш юнга дознался, что капитан не может налагать проклятие, когда пьян, хотя стреляет ничуть не хуже, чем трезвый.

После этого оставалось только выждать своего часа: двоих мы, конечно, недосчитаемся, ну да ничего не поделаешь. Кровожадно настроенные матросы требовали порешить капитана, но бедный старина Билл предложил отыскать необитаемый островок, вдали от морских путей, и оставить его там, снабдив годовым запасом продовольствия. И все послушались бедного старину Билла, и решили высадить капитана с корабля, как только тот напьется.

Прошло целых три дня, прежде чем капитан снова надрался, а тем временем всем нам, в том числе и бедному старине Биллу, пришлось несладко, потому что капитан всякий день измышлял новые проклятия, и куда бы не указывал он

пальцем, туда отправлялись наши души; и рыбы к нам при-
выкли, и звезды тоже, и никто из них не пожалел нас, когда
мы мерзли на мачтах либо плутали в чашах водорослей – и
звезды, и рыбы занимались своим делом, холодно и невоз-
мутимо на нас поглядывая.

Однажды, когда село солнце и настали сумерки, и луна
разгоралась в небе все ярче, мы на мгновение прервали ра-
боту, потому что капитан вроде бы глядел в сторону, любу-
ясь закатными красками, – как вдруг злодей развернулся и
отослал наши души прямехонько на Луну. А Луна оказалась
холоднее ночного льда; жуткие горы роняли мрачные тени,
и вокруг царило безмолвие, словно в бесконечных лабирин-
тах склепов. Земля сияла в небе, размером с лезвие серпа, и
мы затосковали по дому, но не могли ни заговорить, ни за-
кричать.

Когда мы вернулись, стояла глубокая ночь, и на протяже-
нии всего следующего дня мы держались с капитаном весьма
почтительно, однако очень скоро он снова проклял кое-кого.
Больше всего мы боялись, что капитан пошлет наши души в
ад, и никто не поминал про ад иначе, чем шепотом, чтобы
не навести его на эту мысль. Но на третий вечер юнга сооб-
щил, что капитан пьян в стельку. Мы поспешили в капитан-
скую каюту и обнаружили, что злодей и впрямь лежит попе-
рек кровати, и стрелял он так метко, как никогда прежде, но
пистолетов-то было всего два, и недосчитались бы мы только
двоих, кабы он не хватил Джо рукоятью по голове. В конце

концов мы связали нашего недруга.

На протяжении двух суток бедный старина Билл вливал в капитана ром, не давая ему протрезветь, чтобы дар проклятия не вернулся к злодею до тех пор, пока мы не отыщем подходящий утес. И еще до заката следующего дня мьуишли славный пустынный островок для нашего капитана, вдали от морских путей, примерно в сотню ярдов длиной и восемьдесят шириной; и мы доставили его туда в лодке и снабдили годовым запасом еды, – ровно столько, сколько приходилось на каждого из нас, потому что бедный старина Билл любил справедливость. Там-то мы и оставили капитана: удобно привалившись к скале, он горланил матросскую песню.

Когда песнь капитана затихла вдали, все мы весьма приободрились и устроили пир из наших годовых запасов, потому что рассчитывали вернуться домой не позже чем через три недели. На протяжении недели мы задавали роскошные пиры по три раза на дню, и каждый получал больше, чем мог съесть, а недоеденные куски мы бросали на пол, словно уроденные джентльмены.

А потом вдали показался Сан-Хуэльгедос, и мы надумали причалить и потратить наши денежки там, но ветер переменялся и погнал нас в открытое море. Нам так и не удалось перевести судно на другой галс и войти в гавань, хотя другие корабли проплывали мимо нас и благополучно бросали якорь в порту.

Порою вокруг нас воцарялся мертвый штиль, в то время

как рыбацкие челны летели к берегу на крыльях урагана, а порою ветер выгонял нас в открытое море, а повсюду вокруг царили мир и покой. Весь день мы трудились, не покладая рук, ночью легли в дрейф и на следующий день предприняли еще одну попытку. Матросы других кораблей сорили деньгами в Сан-Хуэльгедосе, а мы никак не могли к нему приблизиться. И тогда мы обозвали нехорошим словом и ветер, и Сан-Хуэльгедос, и уплыли восвояси.

В Норенне повторилось то же самое.

Теперь мы жались друг к другу и говорили только шепотом. Вдруг бедный старина Билл ощутил страх. Мы прошли вдоль всего побережья, пытаясь пристать к земле, но у каждой гавани нас поджидал ветер и отбрасывал судно в открытое море. Даже маленькие острова нас не признавали.

И тогда мы поняли, что бедному старине Биллу на берег не сойти, и разбрали его доброе сердце, заставившее высадить капитана на утес, чтобы кровь злодея не пала на наши головы. Делать было нечего – только носиться по воле волн. Теперь мы не устраивали пиров, опасаясь, что капитан проживет целый год и так и не пустит нас на берег.

Поначалу мы взывали ко всем встречным кораблям и пытались подплыть к ним на лодке; но проклятие капитана оказалось сильнее весел, и мы сдались. Целый год мы играли в карты в капитанской каюте, день и ночь, в шторм и в штиль, и каждый грозился отплатить бедному старине Биллу, как только мы окажемся на твердой земле.

При одной мысли о бережливости капитана нас бросало в дрожь: это он-то, что в море напивался каждый второй день, он по сей день живехонек и вдобавок трезв, потому что проклятие злодея не впускало нас в гавани – а запасы убывали!

Тогда мы бросили жребий – и Джиму не повезло. Джима хватило нам ровнехонько на три дня, и мы снова бросили жребий, и следующим оказался негр-слуга. Черномазого тоже не удалось растянуть надолго, и мы снова бросили жребий, и съели Чарли, а капитан и не думал отдавать концы.

Чем меньше нас становилось, тем реже приходилось бросать жребий. Теперь мы растягивали сотоварища дней на шесть, а то и дольше; а выносливости капитана приходилось только удивляться. Минул год и еще пять недель, когда пришел черед Майка, и его хватило на неделю, а капитан умирать и не думал. Мы все недоумевали, как это ему до сих пор не надоело одно и то же проклятие, однако, надо полагать, у брошенного на необитаемом острове свой взгляд на вещи.

И вот остались только Джейк, и бедный старина Билл, и юнга, и Дик, и жребий мы уже не бросали. Мы порешили, что юнге и без того слишком долго везло, и хватит ему искушать судьбу.

И вот бедный старина Билл остался с Джейком и Диком, а капитан и не думал сдаваться. Когда мальчугана уже не осталось, а капитан так и не отдал концы, Дик, дюжий, широкоплечий парень, под стать бедному старине Биллу, объявил, что настала очередь Джейка: дескать, этот счастливчик и так

протянул слишком долго. Но бедный старина Билл обсудил это дело с Джейком и оба они решили, что лучше уступить первенство Дику.

И вот остались Джейк и бедный старина Билл, а капитан умирать и не думал.

Когда от Дика осталось только воспоминание, эти двое следили друг за другом день и ночь, не смыкая глаз. И вот, наконец, бедный старина Билл рухнул на палубу без чувств и пролежал так с час. Тут Джейк подкрался к нему с ножом и нацелился на бедного старину Билла. Но бедный старина Билл ухватил его за запястье, и вывернул ему руку, и дважды тыкнул Джейка его же ножом, – на всякий случай, хотя лучшая вырезка при этом существенно пострадала. Так бедный старина Билл остался один-одинешенек.

А на следующей неделе, не успела закончиться еда, как капитан, должно быть, скончался; потому что бедный старина Билл услышал, как душа капитана с проклятиями летит над морем, и на следующий день корабль выбросило на скалистый берег. И капитан мертв вот уже сто лет, а бедный старина Билл возвратился на твердую землю жив-здоров. Однако похоже на то, что отделаться от капитана не так-то просто, потому что бедный старина Билл почему-то не стареет, и смерть его не берет. Бедный старина Билл!»

При этих последних словах наваждение рассеялось, и все мы вскочили и бросились вон.

И дело не только в гнусной истории: жуткий взгляд рас-

сказчика и пугающая легкость, с которой голос его перекрывал рев грозы, убедили меня никогда больше не переступать порога этой приморской таверны, прибежища мореходов.